

Ткачев Петр Никитич

**Задачи революционной
пропаганды в России: письмо к
редактору журнала "Вперед"**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-94
ББК 63.3-8
ПЗ0

ПЗ0 **Петр Никитич Т.**
Задачи революционной пропаганды в России: письмо к редактору журнала "Вперед" /
Ткачев Петр Никитич – М.: Книга по Требованию, 2026. – 56 с.

ISBN 978-5-519-76918-1

ISBN 978-5-519-76918-1

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2026
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2026

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг — не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель — вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания — решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

участиемъ въ журналѣ, могу прибавить что нибудь къ обширнымъ научнымъ знаніямъ и литературному таланту лица, взявшаго на себя вѣденіе дѣла. Я зналъ, что лицо, завѣдующее редакціей, человѣкъ весьма свѣдующій въ сферѣ математическихъ, философскихъ и историческихъ знаній, но что онъ весьма мало свѣдуецъ въ сферѣ тѣхъ практическихъ вопросовъ, тѣхъ насущныхъ интересовъ, которые занимаютъ и волнуютъ нашу молодежь.

Онъ, по возрасту, человѣкъ другого поколѣнія, поколѣнія сороковыхъ годовъ, поколѣнія отцевъ поколѣнія „дѣтей“, поколѣнія той *новой молодежи*, которая выработалась подъ вліяніемъ общественныхъ условій непосредственно предшествовавшихъ крѣпостной реформѣ, и которое съ такимъ шумомъ выступило на сцену въ началѣ шестидесятыхъ годовъ,—этого поколѣнія онъ не знаетъ, а если и знаетъ, то знаетъ, такъ сказать, теоретически, по слухамъ и по книжкамъ. Самъ онъ никогда среди него не вращался, никогда не жилъ одною съ нимъ жизнью. Онъ всегда стоялъ особнякомъ отъ него. Происходило это частью отъ общаго направленія его занятій, слишкомъ отвлеченныхъ и слишкомъ мало гармонировавшихъ тогдашнему настроенію нашего общества и въ особенности съ настроеніемъ нашей молодежи; частью же, отъ того положенія, которое онъ занималъ среди нашихъ литературныхъ партій. По какой то странной случайности, онъ постоянно держался около лагеря журналовъ съ несомнѣнно реакціонною окраскою, журналовъ ненавистныхъ и антипатичныхъ молодежи; его специально-научныя работы помѣщались въ официальныхъ, правительственныхъ изданіяхъ, его философскіе и историческіе этюды печатались рядомъ съ полицейскими пенснунціями ех-жандарма Громеки, фигурировавшаго недавно въ роли Сѣдницкаго палача, „милаго мальчика“ Альберти-

ни и иныхъ наѣздивиковъ изъ клики заматарѣлаго въ реакціонерствѣ и всякаго рода эксплуататорствѣ старика Краевскаго. Любимѣйшіе молодежью писатели, представители нашей радикальной журналистики, относились къ нему, какъ къ чловѣку враждебной партіи, считали его „отсталымъ“, клеймили его, страшнымъ въ то время, прозвищемъ реакціонера. Понятно, что молодежь сторонилась отъ него, что между нимъ и ею существовали, если не явно враждебныя, то, во всякомъ случаѣ, крайне холодныя, натянутыя отношенія.

Только въ концѣ шестидесятыхъ годовъ, когда правительственный гнетъ достигъ казалось (т. е. казалось тогда, теперь намъ это не кажется) своего апогея, когда царскіе палачи, обрызганные кровью мученика Каракозова, потеряли всякій стыдъ и впали въ какое то полицейское бѣшенство,—только въ эту несчастную эпоху реакціоннаго безумія, эпоху дикихъ сатурналій распоясавшагося деспотизма,—холодныя и натянутыя отношенія между теперешнимъ редакторомъ „Впередъ“ и молодежью начали нѣсколько измѣняться.

Онъ оказался въ числѣ „пострадавшихъ;“ онъ сдѣлался одною изъ жертвъ ослеплой реакціи и этого для молодежи было довольно.

За одно это, молодежь готова была все простить, все забыть. Она стала относиться къ нему съ нѣкоторымъ довѣріемъ—но, тогда онъ самъ уже былъ оторванъ отъ нее. Онъ былъ сосланъ, потомъ жилъ за границею, затѣмъ очутился во главѣ „русскаго революціоннаго органа“, органа объявившаго себя представителемъ „радикально-революціонной молодежи.“ Гдѣ же и когда же онъ могъ узнать эту молодежь?—Нигдѣ и никогда.

Этому то недостатку практическаго знанія молодежи я и приписывалъ первые несовсѣмъ удачныя шаги новорожденнаго органа. Мнѣ казалось,

что человекъ, никогда ни въ теоріи, ни на практикѣ не занимавшійся *революціоннымъ дѣломъ*, не можетъ быть вѣрнымъ представителемъ революціонной партіи, вотъ почему и журналъ во главѣ котораго онъ стоитъ, не можетъ попасть въ унисонъ съ общимъ направленіемъ этой партіи, вотъ почему между нимъ и ею (или покрайней мѣрѣ нѣкоторыми ея фракціями) сейчасъ же возникли недоразумѣнія, холодныя, даже враждебныя отношенія. Вотъ почему, нашлись въ ней люди, которые съ перваго же раза бросили ему въ лицо обвиненіе въ измѣнѣ и предательствѣ, а нѣкоторые заподозрили его даже въ сношеніяхъ съ III-мъ отдѣленіемъ.

Вѣрно или невѣрно было мое объясненіе, но я находилъ его тогда вполне правдоподобнымъ, и потому, думалъ, что каждый честный человекъ, признающій пользу журнально-революціонной пропаганды, и незанятый никакими другими болѣе серьезными работами, что каждый такой человекъ, —если только онъ можетъ пополнить пробѣлы редакціи по части знанія нашей революціонной молодежи—можетъ и долженъ это сдѣлать. Я полагалъ, что я могъ, слѣдовательно, и обязанъ былъ это сдѣлать.

Въ теченіе всей своей литературной дѣятельности, я постоянно вращался среди нашей молодежи, среди нашихъ „дѣтей.“ Я самъ принадлежу къ этому поколѣнію, я переживалъ съ нимъ его увлеченія и ошибки, его вѣрованія и надежды, его иллюзіи и разочарованія, и каждый почти ударъ, который наносила ему свирѣпая реакція, отражался и на мнѣ или непосредственно, или въ лицѣ моихъ близкихъ товарищей и друзей; съ гимназической скамьи, я не зналъ другого общества, кромѣ общества юношей,—то, увлекавшихся студентскими сходками, то, таинственно

конспирирующихъ; то, устраивающихъ воскресныя школы и читальни; то, заводящихъ артели и коммуны, то, опять хватающихся за народное образование, за идею сближенія съ народомъ, и опять и опять конспирирующихъ; —я всегда былъ съ ними и среди нихъ—всегда, когда только меня не отдѣляли отъ нихъ толстыя стѣны каземата Петропавловской крѣпости; могу ли я не знать людей, съ которыми 10-ть лѣтъ жилъ одною жизнью, дѣлилъ пополамъ и горе и радость? Мнѣ кажется, что если я хоть въ какойнибудь сферѣ знаній имѣю нѣкоторую опытность, то только въ этой.

Эту то опытность я и предложилъ издателю журнала „Впередъ,“ ею то я и думалъ быть ему полезенъ.

Меня встрѣтили въ Цюрихѣ съ радостью, мои предложенія приняли. Мнѣ и на умъ тогда не приходило опредѣлять какиминибудь формальными договорами мои отношенія къ редактору, мое право на контроль и вмѣшательство въ дѣло журнала, въ его *направленіе*. Однако, чѣмъ больше я сближался съ редакціей, тѣмъ больше я замѣчалъ, что расхожусь съ нею по нѣкоторымъ весьма существеннымъ вопросамъ, касающимся революціонной дѣятельности молодежи, что я расхожусь съ нею во взглядахъ на самую эту молодежь и на тѣ задачи, которыя долженъ имѣть въ виду русскій революціонный журналъ.

Въ то же время, ознакомившись съ *организациею* журнала, я увидѣлъ, и увидѣлъ къ немалому моему удивленію, что въ основѣ ея лежитъ принципъ *единоначалія*, что только одно лицо—полный хозяинъ дѣла, только оно одно имѣетъ рѣшающій голосъ, что всѣ остальные участники могутъ лишь подавать свои мнѣнія, но не болѣе. Подобная организація несправедливая вообще, въ

журналъ анонимномъ, становится *возмутительно* несправедливою. Въ анонимномъ журналѣ отвѣтственность за направленіе его падаетъ въ одинаковой мѣрѣ на всѣхъ лицъ, принимающихъ въ немъ постоянное участіе. Она не единична, а коллективна; равная же отвѣтственность, естественно предполагаетъ равныя права и обязанности. Это ясно, какъ день.

Но, не съ одной только теоретической точки зрѣнія я не могъ допустить принципъ единоначалія; я, особенно не могу его допустить съ точки зрѣнія чисто практической. Въдѣ это значило бы предоставить вѣденіе всего дѣла, дѣла близкаго каждому революціонеру, дѣла, въ успѣхъ котораго заинтересована вся молодежь, одному лицу и притомъ лицу, по всѣмъ своимъ прецедентамъ весьма мало внушающему къ себѣ довѣріе, какъ къ революціонеру. Я отдаю полную справедливость знаніямъ и талантамъ этого лица, и еслибы дѣло шло объ какомъ нибудь изданіи въ родѣ энциклопедическаго словаря, я бы не сталъ спорить противъ его единовластія. Но въ дѣлѣ изданія революціоннаго журнала, я самымъ положительнымъ образомъ возстаю противъ него. Я самымъ положительнымъ образомъ отрицаю его компетентность въ рѣшеніи практически-революціонныхъ вопросовъ, въ опредѣленіи истинныхъ потребностей и желаній нашей молодежи, въ уясненіи ея программы и т. п. потому, что я знаю, что эти вопросы лежатъ совершенно внѣ сферы его обычныхъ умственныхъ занятій, внѣ сферы его знаній, внѣ сферы его житейской опытности.

Само собою понятно, что мои отношенія къ редакціи должны были измѣниться: прежде всего я пожелалъ опредѣлить ихъ точно и ясно.

Съ этою цѣлью я составилъ записку, въ которой изложилъ свой взглядъ на тѣ общія требованія,

которымъ должна удовлетворять, по моему мнѣнію, программа русскаго революціоннаго журнала. При словесныхъ объясненіяхъ, возникшихъ у насъ по этому поводу, я достигъ того, чего желалъ. Наши разногласія опредѣлились.

Оказалось, что мы расходимся въ весьма существенныхъ пунктахъ, однако я думалъ, что мы всетаки можемъ вмѣстѣ работать, если только мы будемъ нести въ журналѣ одинаковыя обязанности и пользоваться равными правами, т. е. если организація журнала измѣнится. Не желая совсѣмъ ставить этого вопроса на чисто личную точку, и шая по возможности самолюбіе почтеннаго редактора, я потребовалъ просто во имя справедливости, во имя соображеній чисто теоретическихъ, предоставленія каждому постоянно-му сотруднику, сочувствующему журналу, равенство правъ и обязанностей во всемъ, что касается литературной и экономической стороны изданія.

Я поставилъ эти требованія условіемъ *sine qua* моего участія въ журналѣ. Могъ ли я поступить иначе? Могъ ли я взять на себя отвѣтственность за направленіе журнала, съ которымъ я во многомъ несогласенъ, и на которое однакоже я не могу имѣть никакого существеннаго вліянія, въ которомъ я не могу дѣлать никакихъ поправокъ, никакихъ измѣненій? Могъ ли я поддерживать органъ, претендующій быть представителемъ всей нашей радикально-революціонной партіи, когда этотъ органъ находится въ единоличномъ завѣдываніи человѣка, никогда не принадлежавшаго къ этой партіи, не знающаго ее, а если и знающаго, то лишь въ теоріи а не на практикѣ?

Редакція отказалась принять мои условія, я отказался отъ сотрудничества, этимъ вполне и окончательно изчерпывался вопросъ о нашихъ

личныхъ отношеніяхъ. Но, кромѣ этого *личнаго* вопроса тутъ былъ затронутъ другой вопросъ, вопросъ *общій*, вопросъ, имѣющій, по моему мнѣнію, весьма существенное значеніе для всей нашей революціонной молодежи,—вопросъ тѣсно связанный съ нѣкоторыми основными пунктами ея революціонной программы.—Это вопросъ о задачахъ и цѣляхъ русскаго революціоннаго журнала,—т. е. о задачахъ и цѣляхъ революціонной пропаганды вообще. Около него-то и вертѣлись всѣ мои объясненія съ редакціей; оно то и составляетъ предметъ настоящаго моего письма; потому то я и счелъ возможнымъ принять предложенія нѣкоторыхъ изъ здѣшнихъ моихъ друзей и обнародовать это письмо. Я думаю, что, съ одной стороны, оно можетъ послужить къ выясненію существенныхъ пунктовъ нашей революціонной программы, съ другой, бросить нѣкоторый свѣтъ на отношеніе наиболѣе радикальныхъ кружковъ нашей революціонной молодежи къ журналу „Впередъ“, оно покажетъ сторонникамъ этого журнала, гдѣ слѣдуетъ искать истинныхъ причинъ той холодности, того недовольства, которое проглядываетъ въ этихъ отношеніяхъ. Оно покажетъ имъ что для его объясненія имъ нечего ссылаться на невѣжество и легкомысліе русской молодежи, на недобросовѣстныя интриги, на ковы какихъ то *враждебныхъ* партій, и т. п. призраки ихъ собственной фантазіи.

ЗАДАЧИ
РЕВОЛЮЦИОННОЙ ПРОПАГАНДЫ
ВЪ
РОССИИ.

ПИСЬМО КЪ РЕДАКТОРУ ЖУРНАЛА „ВПЕРЕДЪ.“

I.

М. Г.

Я отказался отъ сотрудничества въ вашемъ журналѣ, потому что вы отказались предоставить мнѣ, наравнѣ съ вами, право рѣшающаго голоса въ выборѣ и помѣщеніи статей, право контроля надъ общимъ направленіемъ журнала.* Но мнѣ было бы прискорбно еслибы вы и ваши сторонники, основываясь на этомъ фактѣ, вывели заключеніе, что я разошелся съ вами изъ за личнаго самолюбія, изъ за вопроса о первенствѣ. Въ общемъ дѣлѣ, м. г., въ дѣлѣ касающемся дорогихъ для меня интересовъ русской революціонной партіи, я никогда еще не руководствовался,

*) Я говорю здѣсь только о себѣ, потому что другіе ваши сотрудники отказались отъ тѣхъ правъ, которыхъ я требовалъ для нихъ и для себя.

никогда не могу руководствоваться личными побужденіями; я всегда ихъ приносилъ и всегда буду приносить въ жертву этой партіи, этого общаго всѣмъ намъ дѣла, дѣла русской революціи. Я не хочу, чтобы даже *вы* могли превратно истолковывать мое поведеніе, набрасывать тѣнь на руководившія мною мотивы. Потому не довольствуясь нашими личными объясненіями, я вамъ рѣшаюсь писать. Прочтя это письмо внимательно и обсудивъ безпристрастно мои аргументы, вы должны будете убѣдиться, что я поступилъ такъ, какъ обязанъ былъ поступить всякій честный человѣкъ, дорожащій интересами революціонной партіи.

Еслибы я былъ во всемъ согласенъ съ вашимъ журналомъ, или наконецъ еслибы я питалъ къ вамъ, подобно теперешнимъ вашимъ сотрудникамъ, безграничное личное довѣріе, еслибы я видѣлъ въ васъ истиннаго и настоящаго представителя русской революціонной мысли, я бы никогда не рѣшился поднять вопроса о несправедливости принципа единоначалія. Я бы охотно пожертвовалъ этимъ принципомъ практическому интересу дѣла; я бы работалъ у васъ; я бы предоставилъ въ полное ваше распоряженіе весь тотъ запасъ знаній, и способностей которыми я обладаю, и мнѣ на умъ бы не приходила мысль спорить о *правахъ*.

Но вы сами понимаете, что ни я и никто изъ молодежи шестидесятыхъ годовъ не могъ питать къ вамъ подобнаго довѣрія. Мы все знали *кѣмъ* вы были прежде, чѣмъ сдѣлались революціонеромъ. Мы знали, что вы половину своей жизни служили на службѣ у русскаго правительства, получая отъ него чины и награды; что вы никогда не мѣшались въ „политику“, никогда даже въ теоріи не занимались вопросами, имѣющими какое нибудь непосредственное отношеніе къ соціальной рево-